

УДК 343

«Вирус политиканства» в российской уголовно-правовой системе**Сидоров Б.В.**

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Осуществлен системный анализ Общей и Особенной частей УК РФ с позиции уголовной политики, проводимой действующей российской властью, авторская оценка тем изменениям (три пакета либерализации уголовного и уголовно – процессуального законодательства), которые были внесены в УК и УПК РФ в порядке гуманизации ответственности и наказания, прежде всего, за экономические преступления, дается анализ и критика этих законодательных новелл, обстоятельной критике подвергаются изменения, внесенные в порядке противодействия коррупции и экстремизму.

Ключевые слова: уголовная политика, конфискация имущества, коррупция, взяточничество, экстремизм (экстремистская деятельность), расовый, национальный, религиозный экстремизм, терроризм.

Продолжение. Начало в журнале ВЭПС, № 2, 2012 г. – С. 140-148.

**Если мы не вменим в закон поступать праведно,
Если мы приравняем безнаказанность к справедливости,
То каких только дел мы каждодневно не станем творить.
Монтень**

К такой оценке исследуемых понятий приходишь и тогда, когда исходишь из признания того, что экстремизм (экстремистская деятельность) включает в себя как необходимую составную часть терроризм (террористическую деятельность). Такая позиция законодателя проглядывается в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г., где дается понятие *экстремизма (экстремистской деятельности)* путем перечисления соответствующих деяний, включая *публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность*.

Терроризм и террористическая деятельность – это особая, изначально повышенно опасная форма экстремизма и экстремистской деятельности, ибо в основе их определения лежит понятие «террор» – крайняя, наиболее жестокая форма проявления актов насилия, иного психического или физического воздействия на жертву, имеющая цель ее устранения, запугивания...» [1, с. 90]. Террор – необходимая составная часть террористической деятельности, при осуществлении которой лицо с помощью устраше-

ния или запугивания путем физического насилия или угрозы насилия в отношении невинных жертв стремится добиться конкретной перспективной цели.

Экстремизм как «приверженность крайним взглядам и мерам» [2, с. 908], в основе которой лежит категоричность как таковая, ни плох, ни хорош сам по себе, если он не приводит к негативным или, наоборот, позитивным результатам в соответствующих сферах жизнедеятельности людей. Экстремизм в рамках права не может быть оценен как равноценный с позиции одной и той же нормативно-правовой системы, а также с позиции определенной системы нравственности и культуры. Экстремистская деятельность, как и экстремизм¹, «в рамках права и закона является лишь социально активным правовым поведением, поскольку ему присущи такие

¹ Экстремизм – это не только деятельность (поведение), но также идеология, а нередко и политика. Поэтому эти понятия в принципе не сопоставимы. Лишь в узком смысле, т.е. экстремизм как поведение может употребляться как синоним экстремистской деятельности.

черты, как высокая степень осознанности, наличие твердых и устойчивых убеждений, гражданская позиция, готовность действовать определенным образом и т.д.» [3, с. 37]. Сказанное касается, прежде всего, социального экстремизма и экстремистской деятельности.

Оценка любого социального отклонения в рамках права и закона как позитивного или негативного дается с позиции действующей власти. Экстремистская деятельность может рассматриваться как позитивное отклоняющееся поведение только с точки зрения более прогрессивной нормативной правовой системы [3, с. 37; 4, с. 8]. Позитивные крайности, по словам А.И. Долговой, существуют наряду с отрицательными. Так, выполнение гражданского или служебного долга, новые открытия и другие полезные деяния автор относит к крайним позитивным отклонениям [5, с. 28-29]. Аналогичного мнения придерживается и В.В. Лунеев, считающий, что экстремизм, встречающийся в различных сферах деятельности, «может в зависимости от ситуации получать в обществе позитивную или негативную оценку» [6, с. 44].

Особую важность приобретает оценка социального экстремизма, т.е. деятельности, как выражается законодатель, «по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Что касается национального и религиозного экстремизма, то их трактовка в нормативных правовых актах как негативных явлений или поведения представляется более предпочтительной, поскольку экстремизм националистов, доводящих идею национального превосходства и национального антагонизма до предела, либо экстремизм религиозных фанатиков, бессовестно эксплуатирующих исключительную доверчивость религиозных масс, которые практикуют чудовищное насилие и унижение человеческого достоинства и бессмысленную нечеловеческую жестокость, нередко смыкаются с терроризмом и террористической деятельностью, представляют однозначно особую опасность для локального общества и международного сообщества. В связи с этим декриминализация социального экстремизма (экстремистской деятельности) и усиление уголовной ответственности за национальный и религиозный экстремизм – актуальные задачи, которые должен неотложно решать отечественный законодатель, пока не наступил критический момент, за которым наступает время бунтарей и безумцев – фанатиков.

Нередко социально незащищенным гражданам России ничего не остается, как идти на крайние меры, чтобы обратить внимание власти на свои проблемы. Принятие или действие непродуманных законов или хуже того превращение уголовно-правовых средств борьбы с преступностью в средства классового противостояния, средства подавления недовольных властью народных масс – может поднять бунтарские настроения у отдельных социальных групп

или у всего населения, стать катализатором социального взрыва. И тогда, как говорил Оноре Миррабо, «человеку для того, чтобы разорвать свои цепи, дозволены все средства без исключения».

В преамбуле Всеобщей декларации прав человека сказано: «необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения». Власть не должна создавать условия, вынуждающие законопослушных граждан к осуществлению экстремистской деятельности как к последнему средству решения неотложных и остро необходимых социальных проблем.

Власть должна быть искренней с народом и не только говорить, что принимаемые ею нормативные правовые акты и ее деятельность являются правильными и справедливыми, но и действительно стремиться к этому при осуществлении своей политики, решать назревшие проблемы, а не усугублять их и не создавать новые. Государственные органы и их должностные лица должны нести конкретную ответственность в случаях, если они приняли незаконные правовые акты или совершили иные негативные юридически значимые действия, нарушающие основные права граждан. В проекте Конституции РФ существовало положение о праве народа выступить против власти, которое, по вполне понятным причинам, не нашло отражения в принятой Конституции Российской Федерации.

Социальный экстремизм – это нередко социальный взрыв, большой скачок к качественному обновлению социальной среды, означающий социальный прогресс во всех областях жизнедеятельности людей. Как справедливо отмечают некоторые авторы [7, с. 280-281], такие великие приобретения человечества, как отмена рабства и крепостного права, свобода мнения и критика в СМИ, свобода вероисповедания и др., были добыты лишь путем ожесточенной и длительной борьбы, нередко сопровождающейся потоками крови. По словам Т.Х. Грина, «сознательный патриот», обладая собственными представлениями, взглядами и убеждениями, в условиях несогласия с политикой властей видит свой долг в том, чтобы служить общественному благу, ставить его выше собственных интересов и, не боясь навлечь на себя гонение, решает не подчиниться распоряжениям власти, когда она не выполняет свой долг перед гражданами. Автор делает вывод, что невыполнение своего долга государством должно освобождать его граждан от повиновения [8, с. 11].

Таким образом, экстремистская деятельность имеет разнозначную социальную и нравственную природу и не может быть охарактеризована только с негативной стороны, т.е. как общественно опасное и правонарушающее или, тем более, преступное поведение. При оценке социально-правовой природы

экстремистской деятельности и экстремизма в целом как социального явления законодатель во многом под влиянием однобокой и пристрастной политики действующей власти допустил существенные ошибки:

1. Предусмотрев уголовную и административную ответственность за экстремистскую деятельность и иные деяния, содействующие такой деятельности, законодатель исходил из неверного представления о ее социальной и нравственной природе, определив ее заведомо как негативное отклоняющееся (делинквентное) поведение, в отношении которого следует применять правовые меры противодействия;

2. Определение экстремистской деятельности в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» не отражает сущности и социально-правовой природы этого специфического поведения и не может рассматриваться как базовая дефиниция, пригодная для использования в уголовном праве или других отраслях российского права. Это определение выражается путем перечисления более двух десятков деяний, предусмотренных УК РФ и КоАП РФ, и не дает содержательной характеристики собственно экстремизма (экстремистской деятельности);

3. В ст. 280 УК РФ предусматривается ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, хотя, как отмечалось, определение указанной деятельности в качестве преступного деяния в законе отсутствует, поэтому подстрекательство к его совершению не может рассматриваться как противоправное поведение, вызывающее необходимость применения к лицам, его совершающим, мер уголовно-правового воздействия. Предложение А.Г. Никитина заменить в нормативно-правовых актах словосочетание «экстремистская деятельность» на словосочетание «незаконная экстремистская деятельность» [4, с. 8-10] в конечном итоге не решает проблему. Если деятельность всего лишь «незаконная», а не «преступная», то и содействие ее осуществлению также не может оцениваться однозначно как преступное поведение.

Другое дело, когда речь идет об уголовной ответственности за организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ). В этой уголовно-правовой норме необходимо произвести следующие редакционные изменения: во-первых, название этой статьи следовало бы дать в иной редакции, определив данное преступление как «организацию незаконной деятельности экстремистского сообщества (организации)». Во-вторых, в тексте диспозиции статьи после слов «...в связи с осуществлением...» указать заключительное словосочетание «...незаконной экстремистской деятельности». Незаконная экстремистская деятельность, возобновленная после того, как было вынесено и вступило в законную силу решение суда о ликвида-

ции или запрете такой деятельности, должно оцениваться законодателем как преступление;

4. В УК РФ, как отмечалось, законодатель предусматривает уголовную ответственность то за экстремистскую деятельность, в том числе за подстрекательство к такой деятельности (ст. 280 УК), включающую, согласно ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2001 г. № 114-ФЗ, набор не вполне определенно сформулированных правонарушений и преступлений; то за экстремистскую деятельность, ставшую незаконной после вынесения и вступления в законную силу соответствующего решения суда (ст. 282.2. УК); то за организацию экстремистского сообщества для совершения преступления экстремистской направленности (ст. 282.1 УК).

В этих противоречивых «изысканиях» законодателя самым правильным и целесообразным, на наш взгляд, было бы связать уголовную ответственность с действиями по организации, осуществлению и содействию преступлений экстремистской направленности. Так, ст. 282.1 УК РФ следовало бы определить в следующей редакции:

«Статья 282.1 Организация преступного сообщества (организации) для подготовки и совершения преступления экстремистской направленности.

1. Создание преступного сообщества (организации) для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, а равно руководство таким преступным сообществом (организацией), его частью или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности...

2. Участие в преступном сообществе (организации), деятельность которого направлена на подготовку и совершение экстремистских преступлений...»;

5. Законодательное определение «преступления экстремистской направленности» (Примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ) и система этих преступлений также нуждаются в уточнении и оптимизации.

Согласно определения этого преступления, ими признается любое преступление, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Такое определение, в котором отсутствуют какие-либо объективные признаки преступного деяния, отражающие «приверженность крайним взглядам и мерам», т.е. экстремистский характер деятельности, и ее общественную опасность (склонность лица к насилию и другим предельно сильным, исключи-

тельно опасным средствам воздействия на специфических жертв), направленность посягательства на общественную безопасность, основные права, свободы и законные интересы человека и гражданина, недостаточно полно и четко отражены и субъективные признаки преступления экстремистской направленности, должно быть существенно изменено и подкорректировано.

Мотив преступления сам по себе не показывает направленность того или иного посягательства, поэтому законодатель не вправе был определять в примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ преступную экстремистскую деятельность как преступление экстремистской направленности.

Мотив – побуждение, которым руководствовалось лицо, совершая преступление. Мотив определяет поведение не сам по себе, а только в соотношении с целью. «Мотив и цель, хотя понятия и взаимообусловленные, – пишет Б.С. Волков, – но характеризуют различные стороны волевого процесса. Мотив отвечает на вопрос, зачем человек совершает те или иные действия, цель определяет направление деятельности» [9, с. 7]. Мотив преступления – побуждение, опосредованное желание достижения цели. Выбор мотива и постановка цели на стадии «предрешения» и принятие решения происходят в процессе переживания и осознания лицом социального смысла совершаемых действий, предвидения последствий и определенного волевого и эмоционально-чувственного к ним отношения.

Экстремистская деятельность в уголовном праве во внутренней структуре преступного поведения проявляется в категоричности суждений и крайне негативных оценках расовой, национальной и религиозной принадлежности своих жертв или их взглядов и убеждений. Именно этим объясняется враждебность эмоционально-чувственных переживаний и отношения к жертвам преступлений экстремистской направленности, порой достигающая степени ненависти, ослепляющей виновного и мешающей ему действовать вполне осознанно. При этом экстремист находит именно таких жертв, вымещая на них свое крайне враждебное отношение к их специфической принадлежности, их взглядам и убеждениям. Этим как раз и объясняется направленность преступлений экстремистского характера.

Законодатель не учел, что:

1) далеко не все преступления, совершенные по мотивам, указанным в приложении 2 к ст. 282.1 УК РФ, с внешней стороны носят экстремистский характер и поэтому не могут быть отнесены к экстремистской деятельности;

2) преступление «чаще всего сопровождается не одним, а несколькими побуждениями, смешанными мотивами, которые могут в какой-то мере дополнять, а в отдельных случаях и видоизменять основной мотив, усиливать его побудительное значение» [9, с. 9].

«...Именно смешанные мотивы делают каждый случай трудным, осложняют оценку и квалификацию совершенного деяния» [9, с. 9]. Например, в случае совершения деяния по мотивам, характеризующим его как преступление экстремистской направленности, лицо может действовать также из хулиганских побуждений. Как в таком случае квалифицировать содеянное виновным? И вообще: возможно ли такое совмещение близких, но не совпадающих мотивов в одном психологическом процессе, предшествующим преступлению и сопровождающим его совершение?

В целом ряде статей Особенной части УК РФ при характеристике общественно опасных деяний, совершаемых из хулиганских побуждений и по мотивам, указанным в примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ, законодатель допустил ряд ошибок и логических нестыковок. В ст.ст. 105 (ч. 2 п.п. «и», «л»), 111 (ч. 2 п.п. «д», «е»), 112 (ч. 2 п.п. «д», «е»), 115 (ч. 2 п.п. «а», «б»), 116 (ч. 2 п.п. «а», «б») УК РФ и некоторых других законодатель четко разделяет эти группы мотивов и придает им в целом одинаковую степень субъективной опасности и влияния на оценку совершаемого по этим мотивам преступления. В то же время в п. «з» ч.ч. 2 ст. 117 УК РФ («истязание») и ч. 2 ст. 119 УК РФ («угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью») законодатель не только различает указанные мотивы преступлений, но и, непонятно по какой причине, специально предусматривает экстремистские мотивы в качестве квалифицирующих признаков или отягчающих ответственность обстоятельств.

Что же касается ст. 213 УК РФ («хулиганство»), то в ней наиболее четко отразились промахи и вредность уголовной политики, проводимой с некоторого времени действующей властью Российской Федерации. Введение такого особо отягчающего ответственность обстоятельства (ч. 3 ст. 206 УК РСФСР – «особо злостное хулиганство»), как хулиганство, совершенное «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, в качестве конструктивного признака состава уголовно-наказуемого хулиганства в ч. 1 ст. 213 УК РФ, последовавшая за этим декриминализация случаев «грубого нарушения «общественного порядка и явного неуважения к обществу, совершенных с особой дерзостью, исключительным цинизмом, либо связанных с насилием или сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка» и т.п. (ч. 2 ст. 206 РСФСР – «злостное хулиганство») и, наконец, введение в ч. 1 ст. 213 УК РФ в качестве еще одного конструктивного признака хулиганства (п. «б») экстремистских мотивов, не совместимых с хулиганскими побуждениями, являющимися обязательным признаком субъективной стороны этого состава преступления, – все это «шаги» законодате-

ля к тому, чтобы «похоронить» хулиганство как элемент уголовно-правовой системы России.

Резкая нравственная деградация российского общества, инициированные, по крайней мере, долго не пересекаемые и не осуждаемые властью дискуссии в СМИ по поводу нецензурной брани («мата») как «второго русского языка», отсутствие каких-либо заметных подвижек в борьбе с хулиганством на фоне постоянно растущей и качественно ухудшающейся преступности в стране, уступки властей деморализованным и криминализированным социальным слоям населения, часть которого стала богатой и получила доступ к власти, фальшивые призывы и славословия в честь «свободы слова» и т.п. обстоятельства создали условия для последующего признания хулиганства непреступным деянием. Этим в основном и объясняется незначительная доля хулиганств в структуре зарегистрированных преступлений в современной официальной судебной статистике.

Как справедливо отмечает Б.С. Волков, «хулиганский мотив – мотив особенный» [9, с. 48]. В основе хулиганских побуждений лежит, по его мнению, «стремление в вызывающей форме проявить себя, выразить нарочито – показное пренебрежение к обществу, другим людям, законам и правилам общежития» [9, с. 49]. Поведение хулигана нельзя объяснить исключительно парадоксальностью его мысли и извращенностью психики, хотя эти моменты имеют место в характеристике хулиганских побуждений. В их основе «лежит разнузданный эгоизм, чувство озлобленности и неудовлетворенности..., вызванные явным расхождением между уровнем притязаний лица и имеющимися возможностями их осуществления» [9, с. 49-50].

На первый план здесь выступают обстоятельства нравственного формирования и воспитания личности, а следовательно, такие индивидуально – психологические особенности личности виновного, как бескультурье, невоспитанность, жестокость, вульгарное понимание свободы своих действий и, конечно, эгоизм. «Дикие помыслы и поступки порождаются дикими нравами и привычками», пишет Б.С. Волков [9, с. 50].

Таким образом: экстремист – убежденный сторонник каких-то идей, мыслей, суждений, воспринимающий их как единственно верные и крайне отрицательно относящийся к лицам, мыслящим и оценивающим убеждения экстремиста совсем иначе или по-другому либо принадлежащим к другой расе, национальности или религии, которые являются потенциальными жертвами преступлений экстремистской направленности, оскорбляет их человеческое достоинство, применяет к ним насилие и др. Виновные в таких преступлениях лица действуют достаточно осознанно, побуждаемые постоянным и сильным враждебным чувством к определенной части общества.

Хулиган, как отмечалось, это разнузданный эгоист, озлобленный на всех и вся, на все общество, вымещающий свою озлобленность и неудовлетворенность на любом подвернувшемся «под горячую руку» человеке, стремящийся в вызывающей форме показать свое пренебрежение к другим людям, их правам и законным интересам, к законам и правилам общежития, к существующему общественному порядку. Экстремизм как деятельность, запрещенная уголовным законом, и хулиганство как преступное поведение сближают лишь такие внешние признаки деяния, которые выражаются в насилии, иных крайних мерах, применяемых к своим жертвам, в проявлении к ним, казалось бы, бессмысленной жестокости и т.п.

Экстремистские мотивы и хулиганские побуждения разные, не совпадающие и не совместимые, имеющие каждый свое специфическое содержание и нравственно-правовую природу понятия. Поэтому при совпадении внешних признаков преступлений экстремистской направленности и хулиганства следует установить подлинный или доминирующий (основной) мотив данного преступления, который позволит правильно оценить содеянное, т.е. как преступление экстремистской направленности или как хулиганство [3, с. 143], или какое-либо иное преступление.

3) далеко не всякое отклоняющееся (делинквентное), в том числе насильственное поведение, можно считать негативным и рассматривать его как преступление экстремистской направленности, посягающее на общественную безопасность. Масштабы (объем, количество, сферы проявления) уголовно-наказуемой подлинно экстремистской деятельности как отклоняющегося и крайнего в идеологии и во внешней деятельности поведения в действительности гораздо меньше, чем об этом пишут некоторые ученые-юристы [3, с. 142-148]. Полагали бы целесообразным сузить систему преступлений экстремистской направленности в уголовном законе, в том числе путем конкретизации его законодательного определения.

Например, не вызывает сомнений повышенная общественная опасность таких экстремистских действий, как возбуждение ненависти или иных враждебных чувств, а равно унижение человеческого достоинства человека либо группы лиц публично или с использованием СМИ по признакам расы, национальности и отношения к религии. Расизм, национальная и религиозная нетерпимость, публичное или иное массовое зомбирование² больших масс населения, принадлежащих к большим расам, национальностям и религиям или атеистам, являясь проявлением махрового атавизма³, способно вско-

² Зомбировать (перен.) – превращать в послушное орудие для выполнения своих задумок, своих планов.

³ «Атавизм» – явления вырождения, уродства, дикости [2, с. 31].

лыхнуть, поднять на бессмысленное побоище сотни, тысячи и миллионы людей, нарушить не только общественную безопасность и общественный порядок в отдельном населенном пункте, регионе или стране, но и в пределах всего человечества.

Национализм, проповедующий исключительность своей нации, ее превосходство над другими нациями и народами, неполноценность последних; расизм, провозглашающий избранность и особое предназначение своей расы и неполноценность других рас; религиозный фанатизм, исповедующий религиозную нетерпимость, – все эти явления, идеологии и образцы экстремистского поведения сеют рознь, антагонизм и враждебность между различающимися по указанным признакам массами населения и представляют особую опасность для мира и спокойного развития общества и международного сообщества.

Иное дело, когда законодатель (в ст. 282 УК РФ) приравнивает к этим негативным экстремистским деяниям и явно негативным явлениям случаи возбуждения враждебных чувств и унижения человеческого достоинства людей по признакам пола, языка или происхождения. Если эти признаки используются лицом в целях пропаганды расизма, национализма и религиозной нетерпимости, разжигания указанных видов розни и нарушения таким образом положений ч. 5 ст. 13 Конституции РФ, а не сами по себе, тогда общественная опасность таких действий очевидна. Однако в подобных случаях указания в уголовном законе на эти признаки как на самостоятельные основания посягательства на жертв экстремизма, полагаю, излишни.

Расизм, воинствующий национализм и религиозный фанатизм имеют свою негативную экстремистскую идеологию и всегда связаны не только с общественно опасной практической деятельностью экстремистов, но и с их политикой, направленной на дискредитацию и дискриминацию людей в зависимости от расы, национальности и отношение к религии. Законодатель должен выделить именно эти особо опасные виды экстремистской деятельности в качестве преступлений экстремистской направленности.

Особое неприятие вызывает политика уголовно-правового противодействия *социальному* экстремизму или деятельности, совершаемой по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Социальный антагонизм между буржуазией и наемными работниками, господами и слугами, эксплуататорами и эксплуатируемыми, угнетателями и угнетаемыми, богатыми и бедными, сытыми и голодными и т.п. коренится в природе так называемых «рыночных отношений», т.е. капитализма. Враждебное отношение вторых к первым возникает объективно, в процессе бытия, которое определяет сознание, и это отношение неистребимо, учитывая

несправедливость, которая заложена в самой основе буржуазного общества. Дискриминация по социальному признаку в таком обществе не наказуема, она предполагается, поэтому бедное трудовое население, другие обездоленные и угнетенные вынуждены сами как могут отстаивать свои права, а главное – право на достойную жизнь. Суды и другие правоохранительные органы им «не по карману», учитывая дороговизну юридических услуг и системную коррупцию, и они вынуждены совершать внешне экстремистские, но единственно им доступные акции неповиновения, чтобы привлечь к своим бедам и несчастьям внимание «власть предержащих». В случае отказа в разрешении таких акций (пикетирование, митинги, демонстрации, шествия и др.) выступления справедливо возмущенных народных масс разгоняют, а зачинщиков и их активных участников задерживают как лиц, совершивших преступление или другие правонарушения экстремистской направленности. На что это похоже?! Видно плохи дела у тех, кто неизбежную борьбу за справедливость и основные, порой самые необходимые и естественные права человека, свои законные интересы, оценивает как противоправные экстремистские действия...

Видно забыли политики, задающие **тон** в области **политики** противодействия общественно опасному экстремизму, о том, как в конце 80-х и начале 90-х гг. прошлого века они, их лидеры, сторонники и попутчики по всем правилам преступного экстремизма разваливали великий Союз и советскую власть, а затем, придя к власти в «новой» России, стали проводить экстремистски направленные реформы, не советуясь с народом, не проводя референдумы даже по ключевым вопросам реформирования экономики, государственного устройства и социальной действительности, вопреки воле основной массы российских граждан и во вред их законным интересам. Такая забывчивость вполне объяснима. После захвата власти надстройка спешила на большей части постсоветского пространства восстановить враждебный трудящимся капитализм. Теперь уже возникла необходимость пресекать классовую борьбу недовольного двадцатилетним правлением отступников трудового народа, наиболее острое проявление социального экстремизма мерами уголовно-правового принуждения недовольных своим бедственным положением российских граждан.

Негативная оценка экстремизма как социально значимого поведения законодателем, определенными политиками и учеными лишь послушно повторяет аналогичную позицию действующих руководителей страны. Недавно на встрече с представителями СМИ В.В. Путин заявил, что готов дискутировать с представителями оппозиции и с другими представителями общественности (хотя, как известно, он сам от прямых дискуссий уклоняется), но не допустит экстремизма. По его словам, «любое про-

явление экстремизма должно жестоко пресекаться». Позиция вполне определенная, категоричная и по-экстремистски опасная. Однако, достаточной правовой базы она под собой, к счастью, не имеет. Чтобы уберечь экстремистски настроенный против действующей власти российский народ от ее экстремистских злоупотреблений, необходимо определить в законе вполне взвешенное и справедливое понятие «противоправной экстремистской деятельности» и «преступления экстремистской направленности».

Изменения, внесенные в УК РФ Федеральными законами от 6 декабря 2011 г. № 401-ФЗ и 7 декабря 2011 г. № 419-ФЗ, № 420-ФЗ, подтвердили тенденцию в уголовной политике руководителей страны, которая связана с защитой рыночных отношений и интересов самих «рыночников», склонных к совершению преступлений экономической направленности. Предлагается ряд существенных изменений в части либерализации уголовной ответственности по экономическим преступлениям. Так, ч. 1 ст. 76 УК РФ предусматривает, что лицо, впервые совершившее налоговое преступление (ст.ст. 198-199.1 УК РФ), освобождается от уголовной ответственности, если возместит в полном объеме ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации. В ч. 2 ст. 76 УК РФ содержится еще более радикальная новелла, согласно которой, лицо, впервые совершившее преступление экономической направленности (перечень составов перечислен в норме), освобождается от уголовной ответственности, если возместит ущерб, причиненный гражданину, организации или государству, и перечислит в федеральный бюджет денежное возмещение в размере 5-ти кратной суммы причиненного ущерба, но не 30 млн. руб.

Либерально-снисходительное или даже гуманно-любезное отношение законодателя к экономическим преступникам или жуликоватым бизнесменам реализуется в том, что этой категории преступников предоставляется особое право «откупиться» от справедливого возмездия за совершенное преступление, превращая уголовный закон и всю структуру правосудия в «пугало» – единственное и последнее средство, способное реально обеспечить необязательным или «теневым» субъектом экономических отношений требований законодателя.

Потворствование законодателя лицам, совершающим экономические преступления, достаточно четко проявилось и в том, что из числа уголовно-наказуемых деяний были исключены такие «простые» (основные или без отягчающих обстоятельств) составы тяжких преступлений, как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием и незаконный оборот драгоценных металлов, жемчуга, драгоценных камней, полностью исключена из УК РФ ст. 188 («контрабанда»).

Общая линия на укрепление капитализма, на защиту интересов капиталистов (бизнесменов) про-

явилась и в программных статьях В.В. Путина как кандидата в Президенты Российской Федерации. Даже понимая, что «частный капитал» «добровольно не идет в новые отрасли – не хочет нести повышенных рисков» и что «у капитала ведь нет границ», В.В. Путин вместе с тем, верит в возможность формирования у нас «нормального капитализма», а также «нормального» малого и среднего бизнеса – «подлеска» «здорового капитализма» и предлагает «расчистить поле для бизнеса, который готов побеждать в честной конкуренции». При этом он считает необходимым «изменить всю идеологию государственного контроля за деятельностью бизнеса, резко ограничив эти функции. Новая стратегия должна основываться на презумпции добросовестности бизнеса – исходить из того, что создание условий для деятельности добросовестных предпринимателей важнее возможных рисков, связанных с недобросовестным поведением» [10]. Наш ведущий политик обещает «изменить само государство, исполнительную и судебную власть в России. Демонтировать обвинительную связку правоохранительных, следственных, прокурорских и судебных органов. Исключить из уголовного законодательства все рудименты советского правосознания [10]. Полагаю, сказанное предельно ясно обнажает позицию ведущего политика «новой» России по затронутым нами вопросам современной уголовной политики.

Из других вопросов, которые представляют собой новеллы российского уголовного законодательства, следует вновь затронуть вопрос, касающийся нового усиления роли суда в уголовном процессе. Так, ч. 6 ст. 15 УК РФ, введенная Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, предоставляет суду право с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности, при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменять категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступлений, при условии, что за совершение преступления, указанного в части третьей настоящей статьи («преступления средней тяжести»), осужденному назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в части четвертой («тяжкие преступления») настоящей статьи осужденному назначено наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в части пятой («особо тяжкие преступления») настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее семи лет лишения свободы.

Полагаю, что на усмотрение суда этим самым передается решение одного из принципиальных вопросов, который должен, по нашему мнению, решать только законодатель, ибо от отнесения престу-

пления к определенной категории зависят многие уголовно-правовые последствия: сроки давности уголовного преследования, виды рецидива преступлений, режим исправительной колонии, сроки судимости и др. Чрезмерное расширение судебного усмотрения противоречит принципам законности, равенства и справедливости, содержит в себе коррупционную составляющую, нарушает единообразие практики применения уголовно-правовых норм, размывает систему уголовно-правового противодействия преступности.

В связи с изложенным резонно повторить уже раз заданный по схожему случаю риторический вопрос: «А заслуживает ли отечественный Уголовный кодекс многочисленных "дурацких" изменений, внесенных в пароксизме избыточной законодательной активности?» [11, с. 25]. К этому следовало бы добавить и такой уточняющий вопрос: «Доколе досужие политики будут губить некогда эффективную отечественную систему противодействия преступности и привносить в нее несвойственные уголовному праву идеи и положения, имитирующие политическую игру и классовую борьбу в рамках уголовно-правовой системы?».

Литература:

1. Сидоров Б.В., Киршин В.Г. Терроризм в уголовном праве: определение, законодательная регламентация и вопросы совершенствования законодательства // Вестник экономики, права и социологии. – 2010. – № 3. – С. 89-96
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбукович, 1997. – 944 с.
3. Бикеев И.И., Никитин А.Г. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. – 320 с.
4. Никитин А.Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: Автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 22 с.
5. Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. – М., 2010.
6. Лунеев В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Государство и право, 2009. – № 9. – С. 44-64.
7. История государственно-правовых учений: учеб. / Отв. ред. В.В. Лазарев. – М., 2006. – 672 с.
8. Мартышкин О.В. Нравственные основы теории государства и права // Государство и право. – 2005. – № 7. – С.11.
9. Волков Б.С. Мотивы преступлений. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 152 с.
10. Путин Владимир. Нам нужна новая экономика // Ведомости. – 2012. – 30 января.
11. Кибальник А. К чему приведет «гуманизация» уголовного законодательства? // Законность. – 2011. – № 9. – С. 23.

The “Virus of Political Manoeuvring” in Russian Criminal Law System

B. Sidorov

Kazan (Volga Region) Federal University

The paper analyzes the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation from the point of view of criminal policy of Russian government. The author estimates the changes, for instance, liberalization of criminal and criminal procedure legislation that were introduced into Criminal Code and Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a way of humanization of responsibility and punishment for economic crimes and offences. The paper criticizes legislative novelties alongside with changes introduced as a way of anti-corruption and anti-extremism enforcement.

Key words: criminal policy, responsibility, punishment, criminal legislation, economic crimes and offences, forfeiture of property, corruption, bribery, extremism, racial, national, religious extremism, terrorism.

